

**О ПРАКТИКЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ СУДОВ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматриваются вопросы вмешательства царской администрации в дела судопроизводства кочевого населения Туркестана.

Ключевые слова: царская администрация; народные суды Туркестана.

Рассматривая вопрос о вмешательстве царской административной власти в дела народных судов “туземного” населения, не исключая, разумеется, кочевого судопроизводства по обычному праву, следует признать, что оно (вмешательство), несомненно, имело место и зачастую носило произвольный и негативный характер. Вместе с тем, следует заметить, что отмена решений судов и т. п. военными властями в Туркестанском крае происходила в порядке так называемой “административной юрисдикции”, то есть исполнительно-распорядительной деятельности по реализации установленных государством предписаний к конкретным случаям, конфликтам, спорам, или

по нарушению установленных государственным законодательством правил. Как известно, административная юрисдикция не формирует правовых норм, но ее функционирование, по точному смыслу истории и теории государства и права, вряд ли можно считать противозаконной, так как она осуществляется в рамках, установленных царистским правом. Так, царская власть в Туркестане применяла административную ссылку “туземцев” в Сибирь (позже в центральные губернии России), а также в отдаленные места Средней Азии (например, на Мангышлак) как на основе собственных распоряжений, предоставленных ей российскими законами и нормами туркестанских

правительственных “положений”, так и по приговорам тех же народных судов. Как известно, согласно §§ 133 и 232 проекта “Туркестанского положения” 1867 г., народные суды имели право выносить приговоры о ссылке “туземцев” в Сибирь. Администрация Кауфмана использовала и эту возможность, оказывая давление на народные суды, поскольку, по закону, их приговоры приводились “в исполнение не иначе, как с утверждения генерал-губернатора”¹. Российский туркестановед, к. и. н. В.П. Литвинов, всесторонне исследовавший применение царскими властями административной ссылки в Туркестане, пишет о том, что в 1873 г. “первоустроитель” выслал в административном порядке в Сибирь муллу Уфенова лишь за то, что тот “при разборе уездным начальником разных претензий жителей отзывался весьма дерзко и неуважительным тоном и оказал вообще явное пренебрежение власти, выразившись, что кроме этого начальства, есть начальство выше. За отказ подчиняться уездному начальству Кауфман сослал в Сибирь на 5 лет в административном порядке “киргиза” (читай: кочевника – А.С.) Куссана и муллу Кенджу. В 1876 г. им был выслан в Сибирь на 2 года, после тюремного заключения по *приговору суда* (курс. наш – А.С.) “киргиз” Хал-Мурат, за которого “просил” начальник Кураминского (позже Ташкентского) уезда, полковник Гунос”². Преемники Кауфмана на посту туркестанского генерал-губернатора также не гнушались использовать административную ссылку по приговорам народных судов. Вместе с тем, было бы ошибочным считать такого рода вмешательство царской власти в дела народных судов Туркестана тотальным и всеобъемлющим. Туркестанский генерал-губернатор, генерал-лейтенант А.Б. Вревский писал во “всеподданнейшем” отчете за 1895–1897 гг. о том, что “главным недостатком народного суда [он] считает его оторванность от русской администрации”³. По его мнению, отделение “туземного” суда от русской администрации “привело к падению авторитета русской власти”⁴.

¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. § 133. С. 21.

² Литвинов В.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам) / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ, 2010. С. 113–114.

³ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Всеподданнейшие отчеты туркестанских генерал-губернаторов и губернаторов областей Туркестанского края. Л. 10.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 82. Гр. Б. Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора за 1889–1895 годы. Л. 11.

Со временем царизм стал осознавать, что проект “Туркестанского положения” 1867 г., суть которого составляло так называемое “военно-народное управление”, во многом перестал отвечать требованиям времени, поскольку он был рассчитан на переходный период, а именно: на время адаптации населения края к русским порядкам и формам жизни, вхождения его экономики в систему единого общероссийского национального рынка. Нужен был новый проект нового “Туркестанского положения”. Для подготовки этого проекта правительством была образована специальная комиссия под председательством видного бюрократа Н.П. Игнатъева, недавнего министра внутренних дел. Это было личное решение нового царя Александра III, о котором 27 января 1884 г. Игнатъева уведомил военный министр П.С. Ванновский, указывавший на предоставление ему очень широких прав по подготовке долгожданного проекта. Основываясь на материалах правительственной “ревизии” Гирса, комиссия Игнатъева подготовила проект “Положения об управлении Туркестанским краем” и передала его, согласно тогдашним установлениям, на рассмотрение в Государственный совет. Документ был сориентирован на замену “военно-народного управления” в Туркестане административно-полицейским управлением, основанным на “Общем губернском учреждении”, по нормам которого жила вся страна, за исключением нескольких областей. “Соединенные департаменты” Государственного совета обсуждали проект “Положения об управлении Туркестанским краем”, подготовленного правительственной комиссией под председательством графа Н.П. Игнатъева, на заседаниях в январе-марте 1886 г. В материалах обсуждения указывалось, что “народный суд в Туркестанском крае получает характер вполне самостоятельного учреждения, *свободного от всякого воздействия со стороны местной правительственной власти*”⁵ (курс. наш – А.С.). Таким образом, царское правительство выдерживало общеимперский курс на независимость суда от администрации. 12 июня 1886 г. указанный проект был утвержден императором Александром II и стал законом.⁶ Но введен в действие он был с 1 января 1887 г. Из этого явствует, что проект “Туркестанского положения” 1867 г. находился в административном “обороте” без малого целых

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 827. Дело о преобразовании управления Туркестанским краем. Л. 14, об.

⁶ См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886. СПб., 1888. № 3814. С. 318–346.

два десятилетия! И, на наш взгляд, в плане организации “туземного”, в частности, кочевого судоустройства и судопроизводства, он в целом оправдал себя, несмотря на все отмеченные выше его объективные и субъективные издержки. Считаем при этом нелишним заметить, что Семиреченская область, выведенная из состава Туркестанского края и переданная в Степное генерал-губернаторства по закону от 18 мая 1882 г.¹, продолжала управляться на основании указанного проекта 1867 г. вплоть до утверждения “Степного положения” 1891 г.² Таким образом, в этой области “Туркестанское положение” действовало 25 лет, или четверть века! В других же областях Степного края, вместе с которыми она состояла в его пределах, действовало “Временное Положение об управлении в областях: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской” от 21 октября 1868 г.³ Мы обращаем на это внимание потому, что после того, как Семиреченская область, по закону от 26 декабря 1897 г.⁴ была передана вновь в состав Туркестанского края, в ней, вплоть до падения царизма, действовало “Степное положение” 1891 г., но с некоторыми уточнениями, установленными законом от 11 июня 1899 г.⁵

¹ См.: Именной, данный Сенату “О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний”. 18 мая 1882 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е, Т. 2. Отд. 1. 1882 г. СПб., 1886. № 886. С. 211–212.

² Высочайше утвержденное “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края”. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1. 1891. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

³ См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – “Временное Положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях”. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2. 1868. СПб., 1873. № 46380.

⁴ Именной, Высочайший Указ, данный Сенату “О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления”. 26 декабря 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 17. Отд. 1. 1897. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

⁵ Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров “О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей”. 11 июня 1899 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 19. Отд. 1. 1899. СПб., 1902. № 17177. С. 710–711.

Мы полагаем, что “Положение об управлении Туркестанским краем” от 12 июня 1886 г. действительно внесло существенные изменения в административную деятельность местных властей всех уровней и рангов, в известной мере утвердило в регионе административно-полицейскую систему управления, соотносящуюся с принципами “Общего губернского учреждения”. Однако в части, касающейся “туземного” судоустройства и судопроизводства (в том числе кочевого), на наш взгляд, “Положение” 1886 г. отдалось чисто “фасадными” новациями и изменениями. Проф. П.П. Литвинов, видимо, прав, утверждая, что это “Положение” привило административно-полицейское управление только в среде “пришлого” (русскоязычного) населения Туркестана, тогда как в отношении “туземных” жителей региона и их традиционных институтов продолжали по-прежнему действовать испытанные временем принципы “военно-народного управления”, поскольку “остались незыблемыми его главные “несущие конструкции” – “нераздельность русской гражданской и военной власти, выборность органов “туземного” самоуправления и суда, а также прямые взаимосвязи между ними: административные, судебные, личностные и иные”⁶. При этом он ссылается на мнение выдающегося советского востоковеда, академика Б. Гафурова, который писал о том, что «принцип “военно-народного” управления позднее был подкреплен “Положением об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г.”»⁷ (курс. наш – А.С.). Заявленная нами выше “фасадность” изменений “Туркестанского положения” 1886 г., касающихся, в частности, народных судов заключалась даже в том, что законодатель в этом нормативно-правовом документе, в отличие от Проекта 1867 г., избег разделения “туземных” судов, на бийские (адатные) и казийские (шариатские), а объединил их в общей главе 3-й “Народный суд”. Сделано это было по рекомендации “Соединенных департаментов” Государственного совета, которые считали, что в новом проекте “Туркестанского положения” нигде и никоим образом не должно было упоминаться “писаное” мусульманское право (шариат). Принципиально же судебная политика царской власти в Туркестане существенных изменений не претерпела. Безусловно, новым “Положением” 1886 г. российское правительство в известной мере усилило свой административный контроль над состоянием кочевого “обычного” судопроизводства,

⁶ Литвинов П.П. Указ. соч. С. 74–75.

⁷ История таджикского народа. Т. 2. Кн. 2. М., 1964. С. 138.

но все же он не был тотальным и, тем более, всеобъемлющим. Об этом свидетельствовал известный знаток “туземных” судов в Туркестане, первый председатель Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области (в 1894 г.), капитан А. Давлетшин, которого военное министерство направило в 1900 г. в Туркестанский край и “степные” области с тем, чтобы специальным образом изучить деятельность народных судов в них, после принятия правительственных “положений” 1886 и 1891 гг. По результатам командировки он представил соответствующий отчет, использованный затем правительственной “ревизией” Туркестанского края 1908–1909 гг., возглавляемой сенатором К.К. Паленом¹. Давлетшин отмечал, что после введения в действие “Туркестанского положения” 1886 г., высшая “администрация... совершенно отстранилась от народного суда и за малыми исключениями игнорирует его существование”². Областные правления не собирают соответствующих данных с тем, чтобы “иметь полную картину деятельности народного суда”³. Давлетшин указывал, что в Самаркандской области это “вообще признали излишним”⁴. Вместе с тем, Давлетшин указывал, что, напротив, *на уездном уровне власть проявляет большой “интерес” к деятельности народных судов. Он отмечал, что есть немало фактов, свидетельствовавших о вмешательстве уездной администрации в дела народных судов, когда кочевые судьи – бии, по ее требованию, пересматривали те или иные дела и выносили нужные ей приговоры.* Давлетшин писал о том, что в готовящемся новом проекте “Туркестанского положения” предполагается узаконить председательство уездных начальников на съездах народных судей. Он указывал, что в таком случае власть начальников уездов “будет вообще велика”⁵. Выше мы отмечали, что в Семиреченской области с начал 1890-х гг. деятельность народных судов регулировалась “Степным положением” 1891 г., в отличие от “коренных” областей (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской), в которых в части такого регулирования действовало “Туркестанское положение” 1886 г. На наш взгляд, на этом направлении деятельности туркестанской администрации не было особенного диссонанса, так как сам законо-

¹ См.: РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 394. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край для ознакомления с деятельностью народных судей (1901).

² Там же, Л. 57.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 58.

датель даже в тексте “Степного положения” 1891 г. отмечал заимствования, сделанные для него из “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 г. Однако некоторые коллизии имели место, а потому Давлетшин в своем отчете в частности, отмечал, что распространение на Семиреченскую область всех статей “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 г., касающихся народных судов, “не может вызвать каких-либо затруднений на практике”⁶.

Несмотря на то, что “Туркестанское положение” 1886 г. статьями 141–143 изъясло из ведения народных судов многие дела, тем не менее, под юрисдикцией кочевых (бийских) судов осталось подавляющее большинство дел, возникавших в среде кочевого населения Туркестанского края. Однако главным, на наш взгляд, было то, что статья 248-я “Положения” 1886 г. подтвердила незыблемость принципа невмешательства “туземных” (статья 238) и российских властей (статья 248) в дела суда биев⁷. Но, образно говоря, “гладко было на бумаге, но забыли про овраги – а по ним ходить”. Выше мы отмечали, что независимость суда от власти не означает его независимости от разного рода экономически сильных групп, партий, корпораций, родственных связей и т. п., не исключая и так называемого “криминала”. Поэтому народные суды кочевого населения часто принимали решения в пользу указанных “корпоративов”. Военный губернатор Ферганской области генерал Н.И. Корольков отмечал, что “народные судьи, не получая от казны содержания и завися исключительно от подачек, которые полагаются им ст. 226-й (“Туркестанского положения” 1886 г. – А.С.), делаются в большинстве случаев представителями взяточничества и неразлучного с ним кривосуда”⁸. Туркестанская администрация, с одной стороны, пыталась бороться с этим, добившись в 1898 г. права отстранять неправедных народных судей от должности⁹, однако, с другой – ее представители, используя *не без выгоды* свое служебное положе-

⁶ Там же. Л. 41.

⁷ См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886. СПб., 1888. № 3814. С. 337–338.

⁸ РГИА. Ф.1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 223. Д. 205. Отчет Ферганского губернатора за 1887 год. Л. 69.

⁹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “О предоставлении Туркестанскому Генерал-Губернатору права сменять народных судей”. 18 ноября 1898 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 18. Отд. 1. 1898 г. СПб., 1901. № 16085. С. 991.

ние, нередко вмешивались в судопроизводство биев в угоду вышеназванным группам, партиям, личностям и т. д. Взаимоотношения власти и народных судов номадов Туркестана не изменились и после распространения в регионе, по закону от 2 июня 1898 г., Судебных уставов 1864 г.¹ Последние преимущественно касались русских судов в Туркестанском крае и “степных” областях, однако в какой-то мере они оправдывали меры царизма по отстранению “народных судей” от должности². Но в целом закон от 18 ноября 1898 г. имел незначительный эффект, так как получить доказательства о несправедности “народного судьи” в спаянной родовыми узами кочевой среде, находившейся под сильным влиянием манаров, баев, аткаминеров и т. п. было весьма непросто, в связи с чем и число отстраненных от должности биев было незначительным. А значит, и возможность позитивного вмешательства царской власти в дела несправедного, ангажированного народного суда была ограничена. Что касается кочевого судопроизводства в Семиреченской области, то в “Степном положении” 1891 г. фактически устанавливались те же принципы, что и в “Туркестанском”. В статье 101-й “Положения” 1891 г., указывалось, что “народный суд в областях: Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской образуется и действует на основании правил о судебном устройстве в Туркестанском крае с нижеследующими изменениями

¹ См.: Высочайше утвержденные “Временные Правила о применении Судебных Уставов к областям Сыр-дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской”. 2 июня 1898 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 18. Отд. 1. 1898. СПб., 1901. № 15493.

² См.: Там же, пункты 2, 3, 7 и др. С. 390–391.

и дополнениями (ст. 102–118)”³ (курс. наш – А.С.). Следует отметить, что “Степное положение” 1891 г. тоже провозглашало принцип невмешательства российской администрации в дела судопроизводства кочевого населения. Соответственно, можно прийти к выводу о том, что законодательная “разница” не оказывала серьезного влияния на кочевое судопроизводство в Семиреченской и “коренных” областях.

Советский исламовед Т.С. Саидбаев писал в 1978 г. о том, что после присоединения Средней Азии к России русские власти учредили народные суды, но фактически не вмешивались в их судопроизводство, приговоры “не могли быть отменены даже при явном противоречии примитивным началам справедливости и здравого смысла”⁴. Но при этом он тут же указывал, что “было бы неверно считать, что народные суды действовали, совершенно игнорируя реальную власть”⁵. Как ни странно, но он был прав и в том и в ином случае. Проблема отношений царской власти и народных судов кочевников Туркестана была в эндогенном плане столь же противоречива, как и мнения Саидбаева. Поэтому его рефлексия над ней может считаться адекватной действительному состоянию указанных отношений в рассматриваемый нами период. На наш взгляд, такой вывод так же адекватен и общему содержанию данной статьи.

³ “Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края”. 25 марта 1891 г. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 266.

⁴ Саидбаев Т.С. Ислам и общество: опыт историко-социологического исследования / Т.С. Саидбаев. М., 1978. С. 97.

⁵ Там же. С. 99.